

Елена Сергеевна Волкова¹ (elenavolkova1@yandex.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТОРОВ)

В статье анализируется влияние радикальных реформ 1990-х гг. на жизнь дальневосточных литераторов (в том числе на повседневные структуры и профессиональные (корпоративные) институты), а также на литературную сферу в целом. Установлено, что коммерциализация культуры в конце XX в. привела к падению качества книгоиздания, размыванию критериев качественной художественной литературы, распаду единого культурного пространства и сокращению читательской аудитории. Рассмотрены практики выживания тружеников пера на Дальнем Востоке в условиях переходного периода, зафиксирован значительный отток литераторов в другие регионы и страны. Отмечено падение роли творческих организаций в литературном процессе, несмотря на увеличение их количества и общей численности входящих в них литераторов. Прослежена трансформация статуса писателя в обществе, сделан вывод о том, что в постсоветской реальности престиж профессии падает и в конечном счёте писательство перестаёт быть профессией в полном смысле этого слова, превращаясь в хобби с негарантированным доходом. В то же время подчёркивается, что, несмотря на все вышеописанные процессы, литературный труд является существенным признаком, объединяющим людей в устойчивое сообщество и формирующим определённую субкультуру.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е гг., постсоветский период, социальный статус писателя, практики выживания, союзы писателей, единое культурное пространство, неутраивализм.

Elena S. Volkova¹ (elenavolkova1@yandex.ru)

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL GROUP OF CULTURAL FIGURES IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD (ON THE EXAMPLE OF WRITERS)

The article analyzes impact of radical political reforms in the 1990s on the life of Russian Far Eastern writers (including everyday structures and professional (corporate) institutions), as well as on the literature sphere in whole. It is proved

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

that commercialization of culture in the end of the 20th century in Russia caused the decrease of book-publishing level, blurred standards of high-quality fiction literature and resulted in disintegration of common cultural space and declining readership as well. The article discusses the survival practice used by Far Eastern writers in conditions of the transition period. Author fixes significant outflow of writers both to other regions of Russia and abroad. It is noticed that the role of creative unions in the literary process decreased despite increasing their number and number of their members as well. Author traces the transformation of writer's social status and concludes that in the post-Soviet reality the prestige of the profession has fallen down. Eventually writing ceases to be a profession in the full sense of the word turning into a hobby with non-guaranteed income. At the same time author emphasizes that despite the above processes literary creation is an essential characteristic which brings writers together into a sustainable community and forms a certain subculture.

Keywords: Russian Far East, 1990s, post-Soviet period, social status of the writer, survival practices, unions of writers, common cultural space, neotribalism.

Изучение постсоветской трансформации общества является одним из актуальных направлений научного поиска: последствия рыночных реформ 1990-х гг. до сих пор ощущаются во всех сферах общественной жизни и во многом формируют нынешнюю российскую реальность. Исследователи констатируют, что трансформационные процессы затронули все группы советского социума: практически ни одна из них не сохранила прежнего статуса, и деятели культуры в этом смысле не исключение [5, с. 231, 236]. В рамках настоящей статьи мы будем говорить о литераторах, при этом нужно отметить, что для исследователя эта группа является наиболее сложной: её численность и границы в изучаемый период определить затруднительно (причины будут обозначены ниже). Исследование данной социальной группы на постсоветском Дальнем Востоке в историографии предпринимается впервые.

Если говорить об источниковой базе, то наряду с законодательными актами и делопроизводственной документацией государственных органов, издательств, творческих организаций большую роль в изучении поставленной проблемы играют художественные произведения, литературная критика, публикации в СМИ, источники личного происхождения (интервью, письма, мемуары и пр.). Ряд неформализованных интервью с участниками культурного процесса на Дальнем Востоке, проведённых автором исследования, впервые вводится в научный оборот. Основные методы исследования — антропологические и микроисторические. К сожалению, адекватных статистических данных по выпуску художественных произведений в конце XX — начале XXI в. не существует, к тому же многие издания этого периода являются библиографической редкостью (по причине малых тиражей, распада культурного пространства

и общей неразберихи первых постсоветских лет¹), поэтому поиск опубликованных художественных текстов дальневосточных авторов требует определённых усилий.

В перестроечный период, когда в стране восторжествовала гласность, цензура была ликвидирована, а моностилистическая культура активно трансформировалась в полистилистическую, общество находилось в состоянии, близком к эйфории. Свобода — вот определяющая характеристика в восприятии современниками этого периода. Возросла интенсивность культурной жизни: создавались независимые издательства, выпускались многочисленные литературные газеты, журналы, альманахи — это бурление продолжалось до конца 1990-х гг.

Казалось бы, для литераторов наступило золотое время, но не всё так просто. Первым делом издатели бросились печатать ранее запрещённую и недоступную широкому читателю литературу, компьютеров было не так много, а Рунет начал формироваться только в середине 1990-х гг., поэтому у многих авторов не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране не было ни книг, ни журнальных публикаций, ни шансов получить их в ближайшей перспективе. Широкое распространение получили литературные клубы, которые создавались во многих городах Дальнего Востока: они давали авторам возможность пообщаться, почитать свои произведения и послушать сочинения товарищей по перу, дабы не «вариться в собственном соку» и получить хоть какой-то отклик. Литклубы в этот период сыграли большую роль в формировании художественной среды, отмечает Т. Михайловская, московский литературный критик и создатель «Георгиевского клуба» [15]. Наибольшую известность в дальневосточном регионе получило литобъединение «Серая лошадь», которое сложилось во Владивостоке в первой половине 1990-х гг.² За более чем 20 лет своего существования «Серая лошадь» прошла путь от литстудии при союзе писателей, имеющей официальный статус, до дружеских посиделок в кафе [12, с. 5—11].

Порой автор становился сам себе редактором и издателем, как, например, Арт. Иванов и Инг. Райн в Хабаровске, В. Вещунов, К. Дмитриенко, В. Протасов во Владивостоке. В 1990-е гг. на Дальнем Востоке выпускался не только печатный, но и рукописный самиздат [14].

К середине 1990-х гг. эйфория от обрётённой свободы и гласности постепенно сходит на нет, на смену ей приходит разочарование. «...А мы

¹ «Издательств стало больше, и далеко не все из них и не всегда отправляли обязательные экземпляры по установленным законом адресам, тем более этого не делали авторы, выпускавшие книги за свой счёт напрямую через типографии», — комментирует владивостокский литературный критик А. Лобычев [АОСПИ. П 03].

² Пять из шести основателей «Серой лошади» к началу XXI в. переехали из Владивостока в Москву, Санкт-Петербург, Париж — это болезненно воспринималось участниками литобъединения, однако расширение географии позволило «Серой лошади» непосредственно войти в общероссийский литературный контекст (4-й и 6-й выпуски альманаха увидели свет в Москве) [12, с. 7—8].

считали, что Свобода / всего нужней, всего важней. / И всё упрямей год от года / её мы звали. Для народа! / Пришла она. Что делать с ней?» — вопрошает магаданский поэт А. Пчёлкин [11, с. 19]. Государство берёт курс на коммерциализацию культурной сферы и активное внедрение рыночных методов хозяйствования³, хотя уже тогда многие деятели культуры скептически оценивали перспективы подобных нововведений. Госиздательства постепенно сворачивали свою деятельность, сокращали сотрудников, закрывались.

Коммерциализация книжной сферы привела к снижению качества книгоиздания и обилию графоманской продукции. Критик А. Лобычев так описывает свои ощущения в тот период: *«В стране был книжный голод, и в эту отрасль ринулись все, кто рассчитывал заработать на книгах, даже те, кто не имел ни малейшего понятия об издательском процессе. Заходя в книжные магазины, я видел чудовищные издания: отсутствие редактуры, грамматические ошибки, беспомощное оформление, переводы, напоминающие „подстрочник“... Казалось, что всё рухнуло»* [АОСПИ. П 03].

Если раньше литераторы зависели от цензоров, то теперь они начали зависеть от издателей. Частные издательства (впрочем, как и оставшиеся государственные, едва сводящие концы с концами) зачастую работали под заказ или выпускали то, что в их представлении было востребовано на рынке и гарантированно должно было принести прибыль, предпочитая лишний раз не рисковать. Исключения редки, среди них — владивостокский «Рубеж», «Новая книга» в Петропавловске-Камчатском, магаданский «Охотник», которые имеют свой «must published» — то, что они считают нужным издавать в любом случае, даже без надежды на прибыль.

Но при таком подходе сохранять рентабельность непросто, когда нет постоянного источника финансирования. И если в Хабаровском и Камчатском краях, в Сахалинской области в конце XX — начале XXI в. из госбюджета на постоянной основе всё же выделялись небольшие средства на публикацию произведений местных авторов, то в Приморье регулярных бюджетных вливаний по этой статье не было. Как правило, имели место частные отношения, когда конкретные издательства, или писательские организации, или авторы шли к конкретному чиновнику и просили денег на конкретные издания, причём результат был не гарантирован. Кроме того, литераторы и издатели обращались за помощью к бизнесу, и тоже — с переменным успехом. В 1990-е гг. типографии переходят на электронный набор, с каждым годом совершенствуются технологии — это упрощает издательский процесс и делает книгоиздание более доступным для отдельно взятого автора, поэтому целый ряд литераторов начинают издавать книги за свой счёт.

³ В 1992 г. приняты «Основы законодательства РФ о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1).

Исследователь А. Посадсков справедливо отмечает, что в постсоветский период *«государственные органы <...> больше не считают выпуск книг своей задачей, а книгу уже не воспринимают как обязательный инструмент руководства обществом»* [9, с. 84]. В результате критерии качества художественной литературы оказались смазанными, и от этого пострадали не только писатели, но и читатели. *«При советской власти была цензура, но была и редакция, был фильтр, который отсеивал графоманов и не позволял выпускать в свет откровенно некачественную литературу»*, — говорит критик А. Лобычев [АОСПИ. П 03]. В ситуации, когда свои произведения может издать кто угодно — были бы деньги, — при полном отсутствии фильтров, при явном недостатке и слабости литературной критики, массовый читатель теряет ориентиры, ему становится непонятно, какие книги заслуживают внимания. Выбирая наугад, он зачастую испытывает разочарование, в результате снижается интерес к художественной литературе.

Престиж писательской профессии стал падать: здесь сыграли роль и процессы, изложенные выше, и развитие телевидения, интернета, индустрии альтернативных развлечений. Дальневосточные писатели, в отличие от столичных, даже в лучшие (позднесоветские) времена не имели элитного статуса, тем не менее членство в творческом союзе обеспечивало постоянную занятость, давало гарантию публикаций, средства к существованию, реальные перспективы для решения жилищного вопроса, творческие командировки и отпуска. В 1990-е гг. писатели утрачивают эти привилегии, более того — они перестают быть властителями дум и вообще сколько-нибудь уважаемыми людьми, появляется даже пренебрежительно-уничтожительная лексика — «писателишки», «стишки». *«Звание поэта уронили с такой высоты, что его не оторвёшь от асфальта — так все и ходят, не обращая внимания»*, — пишет приморский поэт И. Шепета [17, с. 88].

В начале 1990-х гг. происходит раскол в союзе писателей, труженники пера разделяются на «почвенников» и «либералов» (отметим, что эти определения достаточно условны, к тому же политическая и идейная борьба в тот период была неразрывно связана с борьбой за власть и доступ к ресурсам). На федеральном уровне, а потом и на региональном, оформляются две писательские организации: Союз писателей России (СПР) и Союз российских писателей (СРП). Уже через несколько лет многие литераторы осознали, что *«внутренние расколы, произошедшие в союзе, ничего <...> не дали, кроме потери авторитета и ослабления позиций в целом»* [ГАПК. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 273. Л. 23], но путь назад в новой, постсоветской реальности был закрыт.

После распада СССР Центр всё больше дистанцировался от решения социальных проблем на Дальнем Востоке, и это касалось не только федеральных органов исполнительной и законодательной власти, но и творческих организаций: региональным отделениям приходилось

выживать самостоятельно, и здесь многое зависело от доброй воли чиновников на местах. В «лихие девяностые» хабаровским и камчатским литераторам в этом смысле повезло больше, приморским — меньше. *«Вся наша деятельность протекала на фоне постоянной угрозы финансового краха, юридического непризнания и элементарного выселения из помещения — единственного достояния, которым располагала организация... История наших поисков в области коммерции пока больше подходит для сюжета смешного и драматического рассказа»*, — сетовал глава приморского отделения СПР В. Тыцких, отчитываясь перед коллегами о работе бюро СПР в 1993 г. [ГАПК. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 273. Л. 4, 12].

Со второй половины 1990-х гг. во многих краях и областях численность писательских организаций стала неуклонно возрастать в ущерб качеству (например, приморское региональное отделение СП в декабре 1991 г., до раскола, насчитывало 13 членов; в 2010 г. в СПР состояли 48 чел., в СРП — 15 [ГАПК. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 265. Л. 1]). Кроме двух уже упомянутых союзов, в постсоветский период появляются Российский межрегиональный союз писателей, Российский союз писателей, Интернациональный союз писателей, и каждый из них находит своих приверженцев, в том числе и на Дальнем Востоке. В конце 1990-х гг. во Владивостоке открывается Дальневосточное отделение Русского ПЕН-центра, международной литературно-правозащитной организации. Известны случаи, когда литераторы переходили из одной организации в другую, и многие коллеги относились к ним с пониманием.

Что даёт членство в союзе писателей сегодня? Прежде всего, тешит самолюбие. Если говорить о практической пользе, автор может рассчитывать на некоторое содействие в издании своих произведений, на личную взаимопомощь в кругу собратьев по перу, кроме того, «корочки» творческой организации с определённой долей вероятности могут повысить шансы на получение гранта или помочь в поиске спонсора. В общем же приходится констатировать, что в постсоветский период союзы писателей потеряли общественный статус и роль в развитии литературного процесса, *«целый ряд признанных авторов от них намеренно дистанцируются, да и молодёжь туда уже не стремится»*, — отмечает владивостокский издатель А. Колесов [АОСПИ. П 02]. Глава камчатского отделения СПР Е. Гропянов в 2009 г. писал другу, что в советский период писательская организация *«была совсем другой, её дух был творческий, а ныне всё довольно скучно, расчленённо»* [2, с. 737]. Его хабаровский коллега М. Асламов в 2013 г. с горькой иронией констатировал: *«Закона о творческих работниках и творческих союзах до сих пор нет. Мы обычная общественная организация, как, к примеру, организация любителей пива»* [10]. Таким образом, союзы писателей постепенно превращаются в «спящий институт»: в полную силу они уже не работают, но и не упраздняются за неимением альтернативы.

Ещё больше, чем издательское дело, в постсоветский период пострадала система книгораспространения — фактически она была разрушена, тиражи упали в десятки и сотни раз. Единое культурное пространство начало распадаться, дальневосточные края и области в литературном смысле постепенно отдалялись не только от Москвы и Санкт-Петербурга, но даже друг от друга. Во всех дальневосточных субъектах имели место сходные культурные процессы, но шли они обособленно. И без того нечастые общерегиональные совещания литераторов прекратились, общерегиональные издательские проекты («Библиотека дальневосточного романа», «Молодая проза Дальнего Востока», «В исключительных обстоятельствах») постепенно сошли на нет. Произведения дальневосточных писателей стали плохо известны или совсем неизвестны даже в соседних краях и областях. В какой-то степени объединяющую роль играли журнал «Дальний Восток» в Хабаровске, тихоокеанский альманах «Рубеж» (с 1992 г.) и выставка-ярмарка «Печатный двор» во Владивостоке (проводится с 1997 г., с 1998 г. имеет статус региональной), но этого было явно недостаточно. По словам Е. Гропянова, в 1990-е гг. *«разорвались все литературные связи не только на Дальнем Востоке, но и в России»* [2, с. 732]. Хабаровский критик В. Катеринич в 1999 г. с грустью иронизировала: *«В 90-е из всех пишущих, стартовавших из Хабаровска, только молодая журналистка Дарья Асламова сподобилась всесветной славы. Да, та самая, автор „Записок дрянной девчонки“. Между тем, ныне в краевом центре, каковым является Хабаровск, функционируют две писательские организации, и они не считают около сотни творческих единиц»* [6].

Двигаясь в общем и целом в русле общероссийского литпроцесса, дальневосточные авторы, возможно, острее переживали культурный разрыв, дезориентацию и утрату идентификаций. Ощущение ненужности писательского труда дополнялось ещё и региональным фактором: в 1990-е дальневосточники перестали чувствовать свою значимость в качестве хранителей далёких, слабонаселённых территорий на окраине державы. Добавим, что Дальний Восток в результате рыночных реформ оказался в ещё более тяжёлой социально-экономической ситуации, чем другие регионы страны.

Многим литераторам, имеющим опыт работы в рамках советской системы, приспособиться к новой реальности было сложно не только материально, но и психологически. *«Как может развиваться нация, если цвет нации — писатели и художники — брошены на произвол судьбы, государству до них и дела нет?»* — вопрошает приморская поэтесса Р. Мороз [АОСПИ. П 04].

Молодые авторы, которые не имели подобного опыта, оценивали ситуацию по-иному. Ныне биробиджанский, а в 1990-е гг. владивостокский поэт В. Бурик (род. в 1967 г.) говорит, что в конце XX в., несмотря на материальные трудности, он и его товарищи по литературным

тусовкам испытывали «ощущения скорее со знаком плюс: мы были молоды, нам было действительно интересно, были надежды и открытое пространство — а терять ещё было нечего» [АОСПИ. П 01]. Важно и то, что молодые авторы не воспринимали литературные сочинения как устойчивый источник дохода. Дело в том, что уже в первой половине 1990-х гг. писательство в России перестало приносить стабильный, ощутимый заработок (гонорары или не выплачивались вовсе, или составляли скромную сумму). Приамурский писатель В. Лецик рассказывал, что в 1982 г. получил за публикацию повести «Пара лапчатых унтов» в журнале «Дальний Восток» 3600 руб.: «Я на эти деньги целый год на вольных хлебах жил. Уже в послеперестроечные времена Володя Илюшин написал такого же объёма повесть, так ему гонорара хватило на пять бутылок водки» [13].

При использовании художественной литературы в качестве исторического источника важно помнить о том, что в 1990-е гг. писатели вынуждены были в буквальном смысле слова бороться за выживание вместе с миллионами простых россиян. Поэтому с высокой долей вероятности можно утверждать, что дальневосточные авторы выражали мнение широких слоёв российского населения. Границы социальной группы литераторов размываются, очертить их становится всё сложнее [5, с. 286]. Оказалось, что в новых социально-экономических условиях у писателя должна быть другая работа, которая даёт возможность решить хотя бы основные материальные проблемы — только в этом случае он может позволить себе заниматься литературным творчеством. Камчатский поэт В. Кирпищиков в 2001 г. писал: «Журналистика для меня — профессия, необходимость, а поэзия — это то, без чего не вижу своего существования» [3, с. 105].

Поскольку в 1990-е гг. на первое место выходят вопросы выживания, всё меньше внимания уделяется общественной, популяризаторской, критико-литературоведческой работе. В. Тыцких в 1993 г. сетовал: «Трудно, конечно, рассчитывать на большую общественную активность писателей, когда они вынуждены ради куска хлеба идти в репортёры и сторожа» [ГАПК. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 273. Л. 12].

Можно было ожидать, что в 1990-е больше всего пострадают официально признанные писатели вроде С. Балабина, Л. Князева или Н. Наволочкина, у которых к концу советского периода жизнь в общем и целом была налажена. Для тех же, кто только начинал или ранее по каким-то причинам не вписывался в официальные рамки, в 90-е гг., наоборот, открылись новые возможности. Но не всё так однозначно. Например, прозаик В. Илюшин, в советские годы не избалованный ни вниманием, ни публикациями, в 2001 г., так и не сумев адаптироваться к новой, «рыночной» реальности, умер на скамейке в Хабаровске от сердечного приступа. В «лихие девяностые» В. Илюшин с переменным успехом практиковался в «искусстве жить без денег» (у него даже есть рассказ

с одноимённым названием). По словам А. Лобычева, это был писатель, имевший тонкую душевную организацию, *«очень русский, советский в лучшем смысле слова»*, и здесь *«в один узел стянулись и выпадение из социальной жизни, и творческое распутье, и отсутствие публикаций, житейская бесприютность и неминуемая водка»* [7, с. 496].

Заметим в скобках, что Л. Князев, который много лет возглавлял приморскую писательскую организацию и десятилетиями безупречно следовал за линией партии, в конце 1980-х гг. быстро «перестроился» и с тем же пылом начал обличать советскую власть. Уже в 1991 г. у него вышла повесть «Убит на месте», где в роли положительного героя выступает белый атаман Калмыков.

Что касается приморского писателя С. Балабина, в 1990-е он, как и многие другие литераторы, зарабатывал на жизнь журналистикой. *«Мне очень обидно, что я в таком возрасте пошёл работать в газету, — говорил он коллегам в 1993 г., на 58-м году жизни. — Я понимаю, что вернувшись к газетной работе, я больше ничего не напишу. А я мечтал в конце жизни написать свою последнюю, главную книгу»* [ГАПК. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 273. Л. 15]. Повесть С. Балабина о «лихих девяностых» с характерным названием «Дурдом» осталась неопубликованной, умер писатель в 2001 г.

Если у автора нет ни средств к существованию, ни книги, ни читателя, трудно сохранить работоспособность и не впасть в отчаяние. Механизмы адаптации к новой реальности были разными. Кто-то просто перестал писать: в 1990-е гг. надолго «замолчали» А. Ковалёв, Р. Мороз, В. Пожидаев, И. Шепета. Последний торговал китайскими овощами, работал в горнорудном бизнесе, затем в деревообрабатывающем. Р. Мороз в 1990-е гг. директорствовала в различных организациях Владивостока, потом уехала в Южную Корею, где ей предложили работу, в 2006 г. вернулась обратно [АОСПИ. П 04].

Приморские авторы Ю. Кашук и А. Радужкевич с товарищами основали первую на Дальнем Востоке деловую газету «ДелИн». Хабаровский писатель П. Халов работал телевизионным обозревателем журнала «Дальний Восток», снабженцем в строительном кооперативе, организовал независимое издательство для детей и юношества «Амур». Пытался участвовать в краевых выборах, в работе благотворительной организации «Единство», которая помогала бывшим заключённым. В конце жизни П. Халов всё-таки вернулся к литературе (ум. в 1999 г.), однако последняя повесть осталась в рукописи, роман «Монолог» так и не был завершён [16].

В 1990-е гг. пробовал силы в бизнесе и А. Гребенюков (Хабаровск) — пять лет коммерческой деятельности впоследствии нашли отражение в его литературных произведениях. Сахалинский писатель В. Семенчик вместе с товарищами занимался издательским делом, затем, потеряв этот бизнес, работал таксистом. А вскоре из-под пера

В. Семенчика вышел цикл рассказов «Город на колёсах», где повествование ведётся от лица героя-таксиста. Осваивая новые профессии, труженики пера тем самым обогащали свой жизненный опыт и литературный багаж. *«Девяностые годы в материальном плане были тяжёлым периодом, — признаёт В. Семенчик. — Я вынужден был „впахивать“ по двенадцать часов в день, чтобы прокормить семью, шесть лет не был в отпуске... Но с другой стороны, оглядываясь назад, я понимаю, что с точки зрения творчества это уникальный период, который может „кормить“ писателя много лет — какие герои, какие сюжеты!»* [АОСПИ. П 07].

Литераторы, как и представители других социальных групп, в кризисных условиях использовали практики выживания, свойственные традиционному обществу: ведение натурального хозяйства (на дачах и огородах), взаимобмен товаров и услуг, взаимопомощь в кругу родственников и знакомых. Люди пишущие помогали друг другу устроиться на работу или получить разовые заказы для подработки, «выбивали» стипендии у местных властей для особо нуждающихся коллег; те, кто занимался бизнесом, выделяли средства на публикацию книг своих менее обеспеченных товарищей по перу. Некоторые литераторы в силу обстоятельств под конец жизни оставались в одиночестве (как, например, В. Кирпищиков на Камчатке, Н. Максимов на Сахалине или А. Бочинин в Приморье), но коллеги, как правило, их поддерживали, и, в конце концов, хоронили тоже коллеги.

Поэт А. Бочинин годами не имел своего угла, скитался, жил то в мастерских у друзей-художников, то на судах, стоящих во владивостокском порту. Весной садился на велосипед и ехал к себе на родину, на Алтай, осенью возвращался во Владивосток. Характер имел крутой, приютившим его художникам, по воспоминаниям одного из них, В. Погребняка, часто говаривал: *«Вот вы — продажные, вы свои картины за деньги продаёте, а меня — не купишь!»* — затевал драки, в результате чего ему приходилось кочевать из одной мастерской в другую [АОСПИ. X 01]. Однако стихи его регулярно появлялись в дальневосточных газетах и журналах, а на рубеже веков у А. Бочинина даже вышли два поэтических сборника. Скончался он в 2005 г. под забором больницы, куда его не приняли из-за отсутствия полиса. Умер в статусе бомжа, без документов, коллеги обнаружили поэта в море в последний момент — его уже собирались похоронить как безымянного [7, с. 403, 405—406].

В изучаемый период, несмотря на падение престижа профессии, в дальневосточной литературе появляются и новые имена. Помимо «серолошадников», можно отметить хабаровчанина К. Партыку, который в 1994 г. уволился в запас в звании подполковника милиции и вплотную занялся писательским трудом. В конце 1990-х гг. впервые прозвучало имя магаданского автора В. Горбаня, также имеющего богатый опыт работы в силовых структурах. Т. Алёшина, которая долгие годы

была художником-декоратором на Приморском телевидении, в конце 1990-х гг. поступила в студию молодых прозаиков «Строка» при региональном отделении СПР, а в 2001 г. выпустила первую книгу. В пожилом возрасте пришёл в литературу Д. Старцев, потомок известных приморских предпринимателей.

«Даже в глубокой провинции есть очень талантливые люди, и „выстрелить“ они могут в любом возрасте, — говорит В. Семенчик. — В качестве примера могу привести Ирину Левитес, которая стала писать (художественные произведения — Е.В.) после пятидесяти лет, в середине 2000-х, с тех пор у неё вышло уже около десяти книг, причём, не только на Сахалине, но и в Москве» [АОСПИ. П 07]. Добавим, что в новом тысячелетии в московских издательствах выходят также книги Л. Белоиван (ныне проживает в пос. Тавричанка Приморского края), В. Авченко и К. Дмитриенко (Владивосток).

С наступлением «смутных» времён многие литераторы, как и представители других социальных групп, покидают регион. Кто-то отправляется за границу, кто-то — в европейскую часть России, как вариант — возвращается на малую родину, откуда в молодости уехал на восток осваивать необозримые просторы. *«Камчатка потеряла много интересных людей, которым нет замены, — пишет Е. Гропянов своему коллеге в 2010 г. — Духовный потенциал Камчатки снижается, мало кто стремится сейчас попасть на Камчатку, многие хотят уехать»* [2, с. 739]. В других дальневосточных субъектах идут аналогичные процессы. Приведём лишь несколько примеров. Прозаик С. Олефир, прожив на Крайнем Севере более 40 лет, переехал в г. Приозёрск Ленинградской области, его владивостокский коллега В. Вещунов — в Нижний Новгород. Во Владимире закончили свой жизненный путь магаданские поэты А. Пчёлкин и С. Дорохов, а также их сахалинский коллега Б. Репин. Камчатец П. Панов в середине 1990-х гг. работал в США, затем около 10 лет возглавлял телекомпанию «Причал» в Петропавловске-Камчатском, сейчас живёт в Санкт-Петербурге. Поэт Е. Сигарёв из Петропавловска-Камчатского переехал в Тверь. В Израиле осели биробиджанский поэт В. Соломатов и его хабаровский коллега И. Крашенный.

Известный сахалинский писатель А. Тоболяк (урождённый Прицкер) в конце 1990-х гг. тоже отправился в Землю обетованную. Предшествующее десятилетие в литературном плане было для него весьма плодотворным, но писатель едва сводил концы с концами. Автор повести «История одной любви», которая в 1970-е гг. стала настоящим бестселлером и была переведена на несколько языков, в 1990-е гг., преодолевая смущение, предлагал свои книги на продажу приходившим в сахалинскую областную библиотеку читателям, чтобы хоть как-то заработать на жизнь [АОСПИ. П 07]. Однако, оказавшись в Израиле, А. Тоболяк остро ощутил себя русским, «командированным» — так он

писал на родину своим друзьям. Из «командировки» писатель не вернулся, завершив свой земной путь в 2001 г.

Подводя итог, отметим, что зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом на Дальнем Востоке сегодня, как и в девяностые, невозможно. По результатам исследования приходится констатировать, что в постсоветской реальности писательство перестаёт быть профессией в полном смысле этого слова, превращаясь в хобби с негарантированным доходом (исключения единичны, и на всей территории Дальнего Востока таких примеров нет). Тем не менее литературный труд по-прежнему является существенным признаком, формирующим определённую субкультуру и объединяющим людей в устойчивое сообщество, или группу меньшинства (терминология социолога Л. Ионина) [4, с. 15]. *«Престиж профессии в постсоветский период, конечно, упал... Но писатель — это всё-таки образ жизни, это призвание»*, — комментирует А. Смышляев, возглавляющий камчатское отделение СПР [АОСПИ. П 05]. Если говорить о классификации меньшинств по типу их взаимоотношений с окружающей средой, то рассматриваемая группа скорее склонна к геттоизации, т.е. к образованию замкнутого сообщества, мало общающегося с внешним миром [4, с. 22—23]. Согласно концепции неутрайбализма, развиваемой социологом М. Маффесоли, сосуществование множества подобных групп, относительно изолированных и относительно самодостаточных, характерно для общества эпохи постмодерна [8].

В постсоветской реальности писательство и издание художественной литературы из государственного дела становятся делом частным. Отметим, что в литературной сфере на Дальнем Востоке России, как и в других сферах общественной жизни, имели место «длинные девяностые», о которых пишет исследователь Л. Бляхер: *«Процессы, порождённые ими, продолжались до середины первого десятилетия XXI века. Да и сегодня их следы ещё вполне ощутимы»* [1, с. 65].

К середине 2000-х гг. качество книгоиздания повышается, высокими темпами растёт количество интернет-публикаций, которые облегчают литераторам доступ к читательской аудитории, как следствие — клубная жизнь начинает затихать, самиздат теряет популярность, наконец, труженики пера постепенно адаптируются к новым условиям — и психологически, и материально. В то же время наследие 1990-х гг. даёт о себе знать и сегодня. Ощутимой государственной поддержки книжного дела ни на федеральном, ни на краевом (или областном) уровне не наблюдается до сих пор, эффективная система книгораспространения по-прежнему отсутствует, вопросы востребованности обществом писательского труда, критериев качественной литературы, как и проблема формирования единого культурного пространства, не сходят с повестки дня уже четверть века.

Процессы трансформации в литературной сфере остались незавершёнными. Старые институты — союзы писателей — ещё существуют, но уже не оказывают ощутимого влияния на литературный процесс, а новые до сих пор не сформированы: если ориентироваться на западные образцы, то до сих пор в России, и на Дальнем Востоке в частности, нет ни развитой структуры литагентов, ни сильных писательских профсоюзов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
2. Гропянов Е.В. Избранное: исторические повести, городские рассказы, раздумья писателя, издателя, из переписки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. 768 с.
3. Гропянов Е.В. Писатели Камчатки: Союз писателей России. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. 221 с.
4. Ионин Л.Г. Парад меньшинств. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Гнозис, 2014. 176 с.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
6. Катеринич В. В городе Удачинске // Знамя. 1999. № 2. URL: <http://znamya.litiz.ru/publication.php?id=709> (дата обращения: 21.06.2017).
7. Лобычев А.М. Отплытие на остров Русский: дальневосточная литература во времени и пространстве. Владивосток: Рубеж, 2013. 576 с.
8. Маффесоли М. У каждого свои трибы: от контракта к пакту / пер. с франц. М.Н. Пророковой // Посредник. Массмедиа, общество и культура / науч. ред. В.А. Подорога, отв. ред. А.А. Парамонов. М.: Р. Валент, 2016. С. 281—290.
9. Посадсков А.Л. Вертикали власти и горизонталы интересов: сравнительная характеристика реформ 1920—1930-х и 1990—2000-х гг. в книжном деле России // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 4. С. 83—87.
10. Пронякин К. Михаил Асламов: «К речам высоким в наши дни — стал осторожен...» // Хабаровский экспресс. 2013. № 27. URL: <http://www.habex.ru/paper/35/350/> (дата обращения: 25.07.2017).
11. Пчёлкин А.А. Непогодь: Стихи перестроечных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000. 94 с.
12. Серая лошадь. К 20-летию литературного объединения. СПб., 2015. 326 с.
13. Фадеева Н. Владислав Лецик: «Амурские писатели на книгах не зарабатывают» // Амурская правда. 01.11.2016. URL: <http://www.ampravda.ru/2016/11/01/70714.html> (дата обращения: 10.05.2017).
14. Хабаровский самиздат конца 20 — начала 21 века // Учёные заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2013/TGU_4_139.pdf (дата обращения: 16.03.2017).
15. Хроники литературного быта 1990-х: Татьяна Михайловская. Социальные ритмы «новой России» и литературный процесс // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/21309> (дата обращения: 10.06.2017).
16. Чернявский А. Последнее интервью Павла Халова // Тихоокеанская звезда. 03.09.2002. URL: https://toz.su/archive/?ELEMENT_ID=63652 (дата обращения: 31.07.2017).
17. Шепета И.И. Образ действия — обстоятельства. Владивосток: Валентин, 2011. 92 с.
18. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН).
19. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).